

ХРОНИКА

СИМПОЗИУМ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ
НА XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЭЙРЕНЕ»

(Прага, 31 августа—4 сентября 1982 г.)

Очередной международный симпозиум по византиноведению проходил в рамках XVI Международной конференции «Эйрене», состоявшейся в Праге 31 августа—4 сентября 1982 г. В работе симпозиума принял участие 71 человек из 14 стран (21 участник из Чехословакии, 29 — из социалистических стран, 21 — из стран Запада).

На заседаниях было заслушано и обсуждено 49 докладов. Основной темой симпозиума являлась проблема перехода от поздней античности к византийскому обществу и цивилизации, иными словами, проблема континуитета и дисконтинуитета в истории ранней Византии. В самом широком аспекте этот вопрос трактовался в фундаментальном докладе В. Вавржинека (Прага) «Восточная Римская империя или ранняя Византия? Общество на переходе», которым открылась работа симпозиума. Отметив, что в историографии, посвященной общественному развитию IV—VII вв., существуют две взаимоисключающие точки зрения: одна — подчеркивающая преемственность политической системы управления (теория континуитета), другая — выдвигающая на первый план перемены в социальной структуре (теория дисконтинуитета), — докладчик счел нужным высказать предположение о неоправданности подобного расхождения во взглядах исследователей. По мнению В. Вавржинека, период между реформами Диоклетиана—Константина и дезурбанизацией VII в. имел свои характерные черты. С одной стороны, он являлся частью и продолжением античности, с другой — был отмечен зарождением новых элементов, послуживших отправным пунктом для последующего развития. Общество IV—VII вв. являлось обществом переходного периода, для которого были типичны в одно и то же время и континуитет, и изменения во многих сферах жизни. Главная тенденция эпохи, подчеркнуто в докладе, — трансформация античного общества в византийское, проявившаяся, в частности, в замене античного плюрализма универсалистским централизмом, в замене автономных параллельных структур общест-

вом с четкой иерархической организацией.

Проблемный характер носил доклад З. В. Удальцовой (Москва) «Историко-философские воззрения византийских авторов». Докладчица отметила прежде всего разнообразие точек зрения в исследовании проблемы континуитета и дисконтинуитета и спорность отдельных частных положений, показав, таким образом, сложность и актуальность темы. Далее З. В. Удальцова остановилась на масштабах происходивших изменений в области идеологии при кажущейся подчас формальной неизменности явлений. Докладчица особо подчеркнула, что становление византийской историографии происходило в сложных, противоречивых условиях общественной жизни ранней Византии, что нельзя ставить знак равенства между позднеантичной культурой и ранневизантийской. В период IV—начала VII в., показано в докладе, в Византии оформляется историко-философская концепция, долгое время господствовавшая в сочинениях византийских историков и хронистов, происходят коренные сдвиги во всех сферах духовной культуры, рождаются новые предствления о вселенной и человеке, которые знаменуют водораздел между античным мировоззрением и христианской идеологией; для ранневизантийской историографии характерно значительное изменение содержания при более медленной эволюции формы, что сказалось в употреблении античных клише, топосов, образов, метафор. З. В. Удальцова отметила, что в ранневизантийский период родились новые жанры — такие, как церковная история, агрография, хронография, и подчеркнула, что попытки возрождения теории континуитета античной и византийской историографии вызваны прежде всего непониманием сторонниками данной концепции глубоких различий между поздней античностью и ранней Византией.

Историографическо-терминологическому аспекту проблемы посвятил свой доклад И. Ирмшер (Берлин) («К обозначению переходной эпохи от античности к средневековью»), рассмотревший различные упо-

требляющиеся в исторической науке XVIII—XX вв. обозначения переходной эпохи.

Социально-экономический аспект проблемы был освещен в докладах по аграрному строю, городам, социальной структуре византийского общества в IV—первой половине VII в. Социальной структуре сельского населения, изменению в его составе и положении, а также выявлению причин новых форм зависимости мелких производителей был посвящен доклад известного греческого ученого И. Караяннопулоса (Салоники) «Прикрепление крестьян к земле и его причины». К этому докладу тесно примыкал доклад М. Каплан (Париж) «Крестьянская экономика в Восточной Римской империи (V—VII вв.)», в котором было показано, что V—VII вв. являются временем интенсивного распространения мелкого крестьянского хозяйства как на землях крупных земельных собственников, так и на землях императорского домена и церкви. По мнению автора, льготные условия аренды в сочетании с личной независимостью крестьян обусловили особую роль мелких сельских производителей в византийском обществе того времени.

Термин «колон» в источниках IV—VI вв. рассматривал в своем докладе «К вопросу о понятии „колонат“ в поздней античности» К. П. Ионе (Берлин), пришедший к выводу, что данный термин употреблялся в Римской империи для обозначения всех форм земельной аренды в период перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному.

Анализ славянской традиции Земледельческого закона был дан в докладе Е. К. Пиотровской (Ленинград), которая познакомила также аудиторию с готовящимся фундаментальным исследованием советских историков (Е. Э. Лишниц, И. П. Медведева, Е. К. Пиотровской) этого чрезвычайно важного памятника.

Проблемы городской истории были подняты в обобщающем докладе Ю. К. Колосовской «Позднеримский город на Дунае и варвары», которая, используя широкий круг письменных источников и данные археологии, показала, что позднеримский город представляет собой образование, отличное от города Ранней империи: он хотя и сохраняет свое значение торгово-ремесленного и культурно-идеологического центра, перестает быть средоточием муниципальной жизни. Перемены наступают и во внешнем облике поздних городов — они проявляются в изменении характера застройки, уменьшении площади городов и числа жителей, усилении деятельности раннехристианских общин и церкви.

С результатами девятилетних раскопок Государственного музея Грузии в Археополисе познакомил участников симпозиума Н. Ю. Ломоури, прочитавший доклад «Новые раскопки в городе Археополисе в Западной Грузии». Археологические материалы, продемонстрированные докладчиком (открыта система обороны, термы, базилики, хозяйственные здания), делают убедительным вывод о том, что

Археополис являлся развитым городским центром и играл важную роль в истории Лазики.

О частном и общественном строительстве в Херсонесе между VI и IX вв. говорилось в докладе А. И. Романчук «Раннесредневековые комплексы Херсонеса». Выделив некоторые виды археологических находок VII—IX вв., докладчица подчеркнула, что они свидетельствуют о широкой торговле Херсонеса с различными центрами Средиземноморья—Причерноморья в VI—VII вв. и сокращения торговых связей до ближайших поселений Юго-Западного Крыма в VIII—IX вв. Малочисленность находок монет на Херсонесском городище, по мнению А. И. Романчук, говорит о натуральном характере торговли в Юго-Западном Крыму в период «темных веков».

Одной из сложных и дискуссионных проблем ранней Византии — вопросу о цирковых партиях — был посвящен доклад А. А. Чекаловой (Москва) «Ранневизантийские димы», в котором показано, что политические партии веветов и прасинов возникли в ходе эволюции социальной структуры ранневизантийского общества и являлись новой формой социальных связей в городах ранней Византии.

Мысль о том, что феменная система возникла не внезапно, но была подготовлена предшествующим развитием империи, нашла выражение в двух докладах, посвященных истории фем: С. Садецки-Кардоша (Сегед) «Замечания о questor Justinianus exercitus. К вопросу о начале развития фем» и Р.-И. Лили (Западный Берлин) «Фемная организация и гражданское управление. Новое образование или континуитет?» Р.-И. Лили, в частности, делает вывод о том, что феменная реформа — это медленный эволюционный процесс, своеобразная реакция Византии на изменение внешнеполитических условий, в первую очередь — на нападение арабов.

Проблема концентрации политической власти в руках новой военной знати в Италии была рассмотрена Т. П. Брауном (Эдинбург) в докладе «Трансформация и континуитет в Византийской Италии: общество и администрация 550—650 гг.» Ученый отметил, что в течение столетия после окончания войны с готами византийская Италия испытала ощутимые социальные и политические изменения, нашедшие выражение в сокращении населения, упадке экономики, падении влияния старой гражданской элиты и переходе власти к военачальникам. Вместе с тем констатируется достаточно высокая степень преемственности, характерной для городской жизни, военной и гражданской администрации. По мнению докладчика, новая военная знать спокойно и быстро установила свое господство, поскольку сумела воспользоваться сложившейся ситуацией.

Событий, связанных со смертью Амаласунты, коснулся в своем докладе П. Т. Антонопулос (Янина) «Петр Патрикий: некоторые аспекты жизни и карьеры».

Особенностям византийской дипломатии в правление Маврикия был посвящен

доклад Т. Олайош (Сегед) «Некоторые замечания о событиях последних лет войны между Византией и аvarами при императоре Маврикии. К вопросу о дипломатии Византии и варваров в переходную эпоху».

Известное расхождение между имперской идеологией и практическим осуществлением внешней политики на Западе при Юстиниане отмечено в докладе Е. Хрисоса (Янина) «Имперская идеология и западная политика Юстиниана. Переговоры о мире 540 г.».

Об отражении социальной и политической истории славян в нарративных источниках говорилось в докладе Л. Хавлика (Брно) «Византийцы о состоянии славян VI—VII вв.» На этнических переменах на Балканах в позднеантичный—ранне-средневековый период остановились В. Велков (София) — «Этнические проблемы в позднеантичной Фракии» и И. А. Бредов (София) — «Фракия и фракийцы в папирусах V—VI вв.».

О большем или меньшем влиянии поздне-римского права на содержание возникших в конце V—начале IX в. Варварских прав сообщил З. Вебер (Лейпциг). Анализ юридических источников, по мнению автора, позволяет определить особое место Италии, а также дает материал для выявления уровня общественного развития германцев Западной, Центральной и Южной Европы в ходе окончательной ликвидации родовых порядков и возникновения новых феодальных отношений.

В докладе Б. Мартен-Изар (Париж) «Континуитет и изменения в районе восточного побережья Понта Эвксинского» прослеживалась постепенная трансформация этого региона, в частности Колхиды, постепенная ориентация ее на внутренние горные районы и Иверское царство, которая привела к тому, что Колхида превратилась в Лазикю.

Большой интерес у участников симпозиума вызвала проблема развития культуры Византии в IV—VII вв. и культурного влияния Византии на различные страны и народы.

Эволюция ранневизантийской культуры, борьба в ней античных и ранне-средневековых элементов рассматривалась в аспекте континуитета или дисконтинуитета античных традиций в византийском обществе IV—первой половины VII в. Эта эволюция прослеживалась в фило-софско-богословской литературе, историографии, риторике, в художественной литературе и искусстве.

Развитием отдельных положений доклада З. В. Удальцовой явились доклады Р. Досталовой (Прага) «Tinos to hellenizein: борьба за культурное наследие античности в IV в.», В. Чинке (Прага) «Об истории Агафия», К. А. Манафиса (Афины) «Христианское мышление и классическое литературное наследие у византийских авторов VI в.», К. Спадавеккиа (Бирмингем) «Риторическая традиция в письмах Феодорита Киррского».

Р. Досталова рассмотрела расхождения во взглядах на культуру у Григория Назианзина и Юлиана Отступника. Она

отметила, что если Юлиан отождествлял культуру с греческим и отчасти римским миром, то для Григория Назианзина характерна тенденция рассматривать культурный универсализм в смысле христианской универсальности, при этом, по мнению великого каппадокийца, каждая национальная культура являлась достоянием всего человечества. В полемике с Григорием Назианзином Юлиан пытался возвысить греческую культуру до сакральных сфер, придав, в частности, мистическое толкование мифам. Параллельно остановившись на взглядах Ливания, Фемистия и Синесия, Р. Досталова отметила, что в конечном итоге победил тезис Юлиана о необходимости единства государства, культуры и «истинной» веры, но этой верой оказалось христианство, более соответствующее задачам многоэтнической империи. По мнению докладчицы, высокая оценка культуры каппадокийскими богословами и их восприятие языка как связующего начала в человеческом обществе надежно утверждали континуитет греческой литературной традиции.

В вызвавшем довольно горячие споры докладе К. Манафиса было показано, что, несмотря на обусловленные задачами новой эпохи мероприятия Юстиниана против «эллинистического мудрствования», византийский мир сохранил тягу к греческому прошлому в сфере языка, культуры, образования. Анализ текстов даже такого самобытного византийского гимнографа, как Роман Сладкопевец, обнаруживает его знание греческой грамматики и риторики. Но, как заключил докладчик, византийская цивилизация, впитавшая многовековую восточную и греческую традицию, всегда оставалась подчиненной библейской доктрине.

Говоря об «Истории» Агафия, В. Чинке, отметив, что у данного автора достаточно наглядно прослеживается рационально-морализующая тенденция в освещении событий, охарактеризовал его сочинение как один из образцов мышления человека переломной эпохи.

Ряд докладов на симпозиуме был посвящен отношениям христианской церкви и ранневизантийского государства. Растущая роль церкви в жизни поздне-римского города, на которую указывала Ю. К. Колосовская, говоря о «подмене некоторых функций муниципальных властей деятельностью раннехристианских общин и церкви», была отмечена и в докладе И. Чешки (Брно) «О сфере власти и влияния церкви в поздне-римском и византийском государстве». Автор настаивал на том, что ранневизантийское общество во всех своих жизненных сферах все сильнее и сильнее испытывало на себе влияние христианского учения, при этом церковная организация приобретала все большее значение. По мнению докладчика, союз церкви и государства был выгоден обоим. Его развитию объективно способствовал всеобщий кризис рабовладения, субъективно же — возрастающая христианская религиозность.

В докладе Т. Лунгиса (Афины) «Обращение в христианство правящего класса

Восточной империи во второй половине V века» была резко подчеркнута связь христианства с демократическими кругами.

Живой интерес вызвал доклад Ф. Винкельмана (Берлин) «Концепции отношений церкви и государства в ранней Византии». Автор исследовал Палестинскую апостасию 452—453 гг. как первую монофиситскую реакцию на решения Халкидонского собора. Анализ обнаружившихся при этом разнонаправленных, противодействующих друг другу факторов в государственной и церковной области позволил докладчику на конкретном материале рассмотреть проблему соотношения элементов континуитета и дисконтинуитета в ранней Византии.

В докладе Дж. Ф. Халдона (Бирмингем) «Идеология и Византийское государство в VII в.: процесс Максима Исповедника» монофелитство и монофелитский спор, связанный с деятельностью Максима Исповедника, интерпретированы в рамках политических и идеологических событий своего времени. В монофелитстве докладчик признал «орудие реунификации», которое оказалось бесполезным после того, как области Византийского государства, на которые оно было рассчитано, были захвачены арабами. Но не только этот религиозно-политический аспект связан с монофелитством: и это явление, и монофелитский спор осмыслились в докладе в зависимости от той идеологически-кризисной ситуации середины VII в., когда вопрос о природе и границах императорской власти приобрел большую остроту.

Наконец, два доклада, касавшиеся религиозных течений, тесно связанных с судьбами ранневизантийской истории и культуры, — манихейства и гностицизма, — были также заслушаны на этом заседании симпозиума. Оба доклада: М. К. Трофимовой (Москва) «Пролог к Наг-Хаммади, II, 1» и В. Эртера (Прага) «Мани — как врач? К пониманию манихейской доктрины» — были посвящены уровням интерпретации религиозных текстов, вопросу, от решения которого прямо зависит использование этих текстов в качестве исторических источников.

В. Эртер, рассматривая образный строй жизнеописания Мани, выявлял ту информацию, которую он содержит. Автор пришел к выводу, что манихейская традиция, рассматривающая Мани как врача, спасителя, воскрешающего мертвых, в целом была характерна для истории религии: образ спасителя не тождествен врачу как профессии.

Доклад М. К. Трофимовой имел целью продемонстрировать, как, углубляя интерпретацию одного гностического текста, переходя от слоев внешних к слоям более скрытым, можно постепенно перейти к наиболее общим характеристикам религиозно-философского течения, известного под именем гностицизма, обнаружив те его признаки, которые позволяют делать сопоставления как с неоплатоническими текстами, так и с литературной традицией византийских мистиков.

Об определении задач поэзии IV в., исходя из ее нового места в жизни общества, связанного прежде всего с христианством, со стремлением к такому стилистическому образцу, как псалмы, говорилось в докладе В. Кирша (Халле) «Павлин из Нолы и Никита из Рамесианы. К поэтической концепции двух христиан IV в.»

На метафорическом использовании аллегории Солнце—Луна, восходящей к языческой мифологии, остановился Ф. Тиннефельд (Мюнхен) в докладе «Луна как сторона Солнца. К истории одного символа в придворной и теологической литературе». Докладчик отметил, что использование данной метафоры сохраняется в византийской литературе вплоть до XII—XIV вв.: оно употребляется в энкомиях и стихотворениях в отношении невесты императора, в противопоставлении императора и членов императорского дома.

Некоторые особенности эстетических воззрений Прокла были рассмотрены в докладе Е. А. Муцопулоса (Афины) «Понимание произведения искусства у Прокла».

Источниковедческий характер носили доклады Р. Гюнтера (Берлин) «Исследования о понимании истории Орозием» и А. Макропулоса (Афины) «К исследованию утраченных текстов: византийская историография до VIII в.»

Известия Аммиана Марцеллина об Иране прокомментировал И. Штрауб (Бонн) в докладе «Сасаниды как *aemuli imperii* в известии Аммиана Марцеллина».

Степень распространенности в ранне-средневековой Италии античных произведений медицинского характера выявил Г. Баадер (Западный Берлин) в докладе «Византийская медицина в Северной Италии V—VI вв.» Автор показал, что, хотя Кассиодор упоминает сочинения Гиппократов и Галена, в действительности он использовал лишь афоризмы Гиппократов в переводе на вульгарную латынь VI в. Греческие сочинения, переведенные на вульгарную латынь и имевшие широкое распространение в Северной Италии, отмечалось в докладе, подверглись значительной переработке уже в Византии.

На стилистических особенностях «Новой истории» Зосима остановилась Х. Цицочка (Варшава) в докладе «Историческая проза Зосима».

Фонетическому строю греческого языка византийского периода посвятила свой доклад Н. Махарадзе, которая для сопоставления широко использовала средневековые грузинские памятники.

Дискуссия, развернувшаяся в ходе симпозиума, подчеркнула исключительную важность его темы, выявив вместе с тем недостаточную разработанность ее в настоящее время. Сложная проблема континуитета и дисконтинуитета в истории Византии может быть разрешена лишь совместными усилиями исследователей различных стран, и симпозиум византистов в Праге явился важным шагом на этом пути.

А. Чекалова